

И. Г. ДОБРОДОМОВ

К СИМВОЛИКЕ ДЕЙСТВИЙ С КОПЬЕМ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Автор, опираясь на многочисленные примеры, исследует символику ритуальных действий с оружием, упоминаемых в «Слове о полку Игореве». Особое внимание уделяется трактовке выражения «преломить копье» в значении церемониала, связанного с окончанием конфликта, призыва к миру.

Ключевые слова: историческая лексикология, «Слово о полку Игореве», военный ритуал.

Замечательный памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» таит в себе немало загадок, лишь постепенно раскрываемых исследователями, причем зачастую с опорой на более поздние источники, как это имело место, например, с сочетанием *готьскыя красныя дъвы*, объясняемым при опоре на С. Герберштейна (XVI в.) как «половецкие» [Добродомов, 1998].

В данном материале сделана попытка, обращаясь к более поздним памятникам, объяснить две загадочные фразы из «Слова о полку Игореве», где фигурирует «копье» под названиями *копје* и *стружіе*.

Первую из этих фраз — *Хоцу бо, рече, копје преломити конецъ поля Половецкаго* (с. 6 первого издания) — произносит главный герой «Слова», отправляясь в поход. Д. С. Лихачев ее объясняет как «символ вступления в единоборство, символ личного участия князя в битве» [Лихачев, 1978, с. 176], что не вяжется с концом поля Половецкого и странным желанием полководца уничтожить оружие даже без всякого упоминания боя и при отсутствии намека на единоборство.

Во второй фразе речь идет о кратковременном пребывании на княжении в Киеве полоцкого князя Всеслава Брячиславича, который *дотчеса стружіем злата стола Кіевского* (с. 35 первого издания). По новейшим изысканиям под *стружіем* понимается копье [Одинцов, 1986, с. 164-175].

Несмотря на неубедительность объяснения первого употребления Д. С. Лихачевым как желания вступить в битву, оно цитируется во многих исследованиях и комментариях «Слова», будучи поддержанным исключительно авторитетом Д. С. Лихачева.

Неожиданно намного более простое и более убедительное объяснение этого трудного места было предложено скульптором В. П. Буйначевым: «Пре-

ломить (sic!) копьё — это ратная символика, ритуальное действие из воинского этикета. То же самое, что штык в землю, меч или саблю в ножны, винтовку оземь в знак того, что сражение, поход или война закончены. Повешенный или прибитый Олегом щит на воротах Цареграда — действие того же ряда. До конца пройти поле Половецкое, покорить, завоевать его хочет Игорь и сломать копьё за ненадобностью. Так, думаю, надо понимать слова его» [Буйначев, 1998, с. 142]. Независимо от этих соображений было предложено и другое объяснение в том же духе, но с опорой на факты, которые приводятся ниже [Добродомов, 2001, с. 66-67].

В западнорусской «Хронике (кройнике) Литовской и Жмойтской» под 1375 годом находится описание церемониального ломания копья после полной победы в повествовании об апокрифическом взятии Москвы в пасхальную ночь литовским великим князем Ольгердом. Сведения эти недостоверны: ни один из набегов Ольгерда на Москву не увенчался успехом. Хронист излагает события в фольклорном духе, основываясь на народных преданиях.

Войдя якобы пасхальной ночью в не ожидавшую нападения Москву, *по долгих намовах дался Олгерд до еднаня и примиря, еднан же под кондициями, абы ему волно было з частю рицарства литовского и панами передньейшими до замку Московского збройно въехавши копию о стъену замковю скрушити*. Далее, в соответствии с этим условием Ольгерд *копие свое скрушил о браму, абы Москвы поятала, же литва з Ольгердом была в Москве и копие свое Ольгерд крушил о браму*. К последнему эпизоду относится глосса: *копие крушит Ольгерд* [ПСРЛ, 1975, т. 32, с. 61].

Аналогичные примеры уничтожения оружия за ненадобностью после достижения мира имеются уже в Библии: гибель и бегство врагов еврейского народа от гнева Божия привели к длительному миру — «прекращая брани до края земли, сокрушил лук и преломил копьё, колесницы сжег огнем» [Пс 14:10]. В славянском тексте, переведенном с греческого оригинала, на месте *копья* русского синодального перевода (с еврейского) читается *оружие* в соответствии с греческим *ρομφαία* «меч» или «копье».

В книгах пророков Исаяи (2:4) и Михея (4:3) идея уничтожения ненужного в условиях мира оружия заслонена идеей претворения орудия уничтожения в орудие созидания: *и перекуют мечи свои на орала и копьё свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать*. Ср. у Иоилия призыв к войне звучит: *Перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши на копьё* (3:10). Эти библейские аллюзии остались незамеченными В. Н. Перетцем, который специально занимался проблемой [Перетц, 1926, с. 58-59].

В других западнорусских летописях (Евреиновская и Хроника Быховца) содержится несколько иное описание подобного церемониала использования копья, относящегося к рассказу о том же апокрифическом походе Ольгерда на Москву. Литовский князь, собираясь в поход на Дмитрия, заявляет: *z Bożyiu potocziiu k horodu ieho Moskwie kopie swoje prysłoniiu*. После вступления пасхальной ночью без боя в Москву, заключения мира и получения даров Ольгерд напоминает о важности своих церемониальных действий с копьём: *Y za tym kniaź Olgierd rek kniaziiu welikomu Moskowskomu. Aszkolowiek iesemy z toboiu peremiryłsia, ale mi sia inaczey wczynit ne hodyt, tolko muszu pod horodom twojm Moskwoiu kopie swoje prysłonity, a tuiiu sławu wczynity, szto weliki kniaź*

Litowski y Ruski y žemoyski Olgierd, kopie swoje pod Moskwoiu przyslonił [ПСРЛ, 1907, стлб. 499].

Аналогичный рассказ содержится в Евреиновской летописи, где употреблены глаголы *прислонити* и *приклонити* [ПСРЛ, 1907, стлб. 378-379], а также в сочинении польского автора Матвея Стрыйковского «*Kronika Polska, Zmódska y wszystskey Rusi*» (1582 г.). Стрыйковский, помимо варианта *приставитъ* (*przystawić*) *копье к замку*, знает и вариант *ломать* (*skruszyć*) *копье*, который соотносится с текстами других западнорусских летописей.

Этим церемониалом символического оформления взятия города и появления в нем нового правителя, который ставит свое копье к стене, убедительно объясняется и загадочное летописное выражение *възяти город копиемъ*. Оно, в частности, хорошо иллюстрируется описанием взятия Святославом болгарского Переяславца под 971 годом в Ипатьевском списке «Повести временных лет»: *одоле С<вя>тославомъ и взя город копьемъ рья се городъ мой*» (л. 27 об.).

Д. С. Лихачев, проницательно соединивший летописное выражение *възяти город копием* [Повесть временных лет, 1999, с. 446] с загадочным описанием действий Всеслава Брючиславича Полоцкого в «Слове о полку Игореве» (*дотчеса стружіемъ злата стола Кіевского*), чего избегали предшествующие исследователи-лексикографы, в дальнейшем оторвал эти эпизоды друг от друга, когда необоснованно приписал выражению *взяти город копием* значение *взять приступом*. К сожалению, эта ошибка проникла в академические словари древнерусского языка, а также некоторые лингвистические исследования [Львов, 1975]. Например:

Взяти копьем — *завоевать* [Словарь древнерусского языка XI-XVII вв., вып. 2, 1975, с. 168];

Взяти городъ копьемъ — *взять приступом* [Там же, вып. 7, 1980, с. 301]. С одним и тем же примером из Лаврентьевской летописи под 971 годом, но с отсылкой на разные страницы одного и того же ее издания;

Взяти (приятн) градъ копием — *взять приступом* [Словарь древнерусского языка XI-XIV вв., т. IV, 1991, с. 262].

Всеслав просто *прислонил-приклонил-приставил* свое *копие-стружие* к златому столу Киевскому, *доткнулся-дотронулся* этим *копьем-стружием* до него, совершив тот же церемониал, который имел место при взятии города копьем.

Эти два разных церемониала с *прислонением-приклонением-приставлением* копья к стене (или престолу) и его *приломлением*, возможно, являются двумя составными частями одного более сложного церемониала, однако такое утверждение будет преждевременным. В качестве замечания добавлю, что фраза *Хощу бо, рече, копіе преломити конецъ поля Половецкаго* удачно прокомментирована уже в 1819 г. А. С. Шишковым: «Нужно ли здесь толковать, что преломить копие по конец поля Половецкого значит: когда мы дойдем до конца земли Половецкой, завоюем ее, победим неприятелей, так что в копье не будет более надобности?» [Шишков, 1819, с. 392]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Буйначев В. П. Новое прочтение «Слова о полку Игореве»: автор неизвестен. М., 1998.
2. Добродомов И. Г. Готские девы и русское золото в «Слове о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М., 1998.
3. Добродомов И. Г. Копие приломити // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве». Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России 27–29 августа 2000 г.: Ярославль-Рыбинск. Ярославль, 2001.
4. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.
5. Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975.
6. Одинцов Г. Ф. Стружие. // Альманах библиофила. Вып. 21: Слово о полку Игореве. 800 лет. М., 1986. С. 164–175.
7. Перетц В. Н. К изучению «Слова о полку Игореве». Л., 1926.
8. Повесть временных лет. СПб., 1999.
9. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 17: Западнорусские летописи. СПб, 1907.
10. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 32: Хроники Литовская. Жмойтская и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М., 1975.
11. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. IV. М., 1991.
12. Словарь древнерусского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975.
13. Словарь древнерусского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980.
14. Слово о полку Игореве. М., 1950.
15. Шишков А. С. Некоторые замечания на книгу, вновь изданную под названием «Слово о полку Игоря Святославича», вновь переложенное Я. П. с присовокуплением примечаний. //Русский инвалид, 1819, №№ 157–161// Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, ч. 11. СПб, 1827.

Поступила в редакцию 12. 03. 2014